

замены сознания рефлексом, жизнь интеллигента без интеллекта, столь, как мне кажется, для нашего времени характерная, – все это уже давно преследует меня как тема, что видно и в “Пенелопе”, и в “Саде”, и “Жизни в ветреную погоду”» (169). Сущность этой писательской чувствительности к «темам», преследующим автора как жизненные задачи и загадки, заключается в его понимании того, что есть «автообман» (172). В двенадцатой записке А.Г. Битов показывает, что пробуждение сознания равноценно молитве. Концептуальное единство всех записок автор выражает в признании своей человеческой беспомощности перед неизбежностью смерти, признании того, что причиной утраты Божественного в жизни является лишь сам человек, смотрящий «на себя, а не в себя», соревнующийся с другими, но не ищущий связи. Из трудного процесса пробуждения рождается в этой молитве особое знание, которое «становится реальностью, а не миражом соизмерений с ближним, не автовозвышением, а объективной мерой» (174). А.Г. Битов не говорит прямо о том, что знание это религиозно, однако остается несомненным, что текст «Записок из-за угла» – это опыт веры и в смысл собственного творчества, и в Божественный смысл всего сущего.

УДК 821.111(680).09- 312.6+929 Кутзее

ДЖ.М. КУТЗЕЕ, ЮЖНОАФРИКАНЕЦ: АВТОБИОГРАФИЯ «ДЕТСТВО»

К.А. Григорьева

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета
E-mail: grigoryevakristina@gmail.com

На материале автобиографии «Детство: сцены провинциальной жизни» анализируются истоки формирования личности писателя Джона Максвелла Кутзее на фоне социально-политических конфликтов в Южной Африке конца 1940-х – начала 1950-х гг.

Ключевые слова: постколониальная литература, писательская автобиография, Дж.М. Кутзее, Южная Африка, апартеид.

J.M. Coetzee, a South African: Autobiography «Childhood»

К.А. Grigoryeva

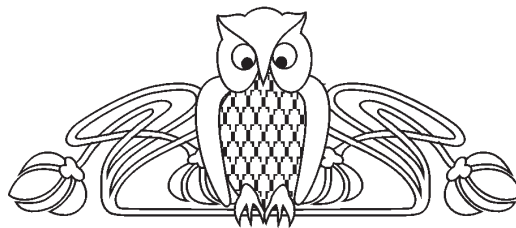
In the article, based on the autobiography «Childhood: Scenes from Provincial Life», the process of J.M. Coetzee's personality shaping against the background of the South African social and political conflicts in the end of the 1940s – the beginning of the 1950s is examined.

Key words: post-colonial literature, literary autobiography, J.M. Coetzee, South Africa, apartheid.

Джон Максвелл Кутзее (род. 1940 г., Кейптаун, ЮАР) – англоязычный писатель, критик,

Примечания

- 1 Цит. по: Чансес Э. Андрей Битов: Экология вдохновения. СПб., 2006. С. 78.
- 2 Там же.
- 3 Там же. С. 80.
- 4 Штайн К., Петренко Д. Русская метапоэтика: учеб. словарь. Ставрополь, 2006. С. 21.
- 5 Там же. С. 9.
- 6 Там же. С. 23.
- 7 Санджи-Гаряева З., Романенко А. Метапоэтика Юрия Трифонова // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков. Саратов, 2008. Вып. 2. С. 245.
- 8 Битов А. В четверг после дождя (Дневник прозаика). Стихотворения. СПб., 1997. С. 6.
- 9 Якунина И. Повествовательная идентичность в прозе А. Битова 1960-х – 1970-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009. С. 9.
- 10 Гинзбург Л. Литература в поисках реальности. Л., 1987. С. 32.
- 11 Там же.
- 12 Битов А. Империя в четырех измерениях. I. Петроградская сторона. Харьков; М., 1996. С. 149. Далее ссылки приводятся на это издание с указанием страницы.
- 13 Битов А. В четверг после дождя. С. 6.
- 14 Штайн К., Петренко Д. Указ.соч. С. 43.

лингвист. На сегодняшний день опубликовано 12 его романов, несколько сборников критических и публицистических эссе и три тома автобиографической прозы. Все романы Кутзее удостоены литературных премий, кроме того, он стал первым автором, которому дважды присудили самую престижную награду в мире английской литературы, Букеровскую премию (в 1983 г. за роман «Жизнь и время Михаэла К.» и в 1999 г. за роман «Бесчестье»). Знаком признания вклада в литературу стало присуждение ему в 2003 г. Нобелевской премии.

Творчество Кутзее многогранно и оригинально. Как справедливо отметили члены Шведской королевской академии, «в его творчестве нет двух книг, созданных по одному рецепту». Однако в основе его романов – опыт детства и юности, проведенных в Южно-Африканском Союзе, который с 1961 г. превратился в Южно-Африканскую

Республику, ЮАР. В шестидесятые годы живший в Англии и США, возвращавшийся на родину, а ныне живущий в Австралии Кутзее, таким образом, представляет постколониальную британскую литературу, которую создают выходцы из бывших колоний Британской Империи, литературу, привлекающую сегодня повышенное внимание читателей и критиков. С. Рушди, В.С. Найпол, Чинуа Ачебе, Ханиф Курейши, Зэди Смит, Арундати Рой и многие другие разрабатывают в своих романах проблематику взаимодействия культуры доминиона и метрополии, расовых и этнических конфликтов, глобализма и регионализма, эмиграции и ассимиляции. Местная почва, местные нравы и обычаи питают своей энергией привычные формы и жанры английской литературы. В лучших романах Кутзее действие разворачивается в Южной Африке, а первая книга его автобиографической трилогии «Детство: сцены провинциальной жизни» (“*Boyhood: Scenes from Provincial Life*”, 1997) раскрывает истоки формирования личности писателя на фоне общественно-политической ситуации в родной стране.

«Детство» состоит из серии автобиографических зарисовок из жизни Джона Кутзее с 10 до 13 лет с вкраплениями воспоминаний из раннего детства мальчика. Конечно, автобиография, написанная от третьего лица, не является изобретением Кутзее; нарушение одной из главных конвенций автобиографического жанра, а именно совпадения в одном лице автора, повествователя и героя, встречается довольно часто и происходит по разным причинам. Представляется, что повествовательный барьер между автором и протагонистом появляется в этом тексте не только потому, что Кутзее уверенней себя чувствует в жанре романа, чем в жанре автобиографии, а главным образом по психологическим причинам. Кутзее – один из самых «закрытых» современных писателей; он мало дает интервью, не появляется на телеэкранах, пренебрегает Интернетом, его общественная деятельность в поддержку движения «зеленых» находит выражение в его публицистических текстах. Из немногих известных деталей биографии первых сорока лет жизни складывается впечатление, что он узнал все об изгнании и эмиграции, разочаровании и фрустрации, об утратах и боли. Страхи, оскорбления, отчужденность одаренной личности от окружающего мира, отказ играть по его правилам – все это знакомо уже герою книги, мальчику-подростку, на которого немолодой уже автор теперь смотрит со стороны. Используя прием авторского всеведения, Кутзее получает возможность тоньше анализировать и строже судить своего протагониста, сохраняя при этом всю интенсивность своих детских переживаний, всю непосредственность жизненного опыта. Повествование о детских и подростковых переживаниях мальчика-интроверта ведется со всем блеском психологического мастерства Кутзее, представляя собой единый поток негативных по

преимуществу эмоций. Попытаемся в этом потоке выделить основополагающие для процесса формирования личности конфликты.

Эта автобиография с безжалостной прямой описывает внутренние сомнения и страдания ребенка, глубокую двойственность переживаний, понижающих детство мальчика среднего класса. Он собирает марки и солдатиков, увлекается крикетом, смотрит Эррола Флинна по субботам. Однако за внешней «нормальностью» и рутинностью жизни скрываются глубокое отвращение и ужас. Опыт взросления маленького Кутзее в Капской провинции, в Вустере (город в 8 милях от Кейптауна) и Кейптауне, представлен в произведении как проверка его стойкости и выносливости: «Все что он испытывал в Вустере, дома или в школе, не могло привести его ни к какой другой мысли, кроме той, что детство – это время, когда нужно стиснуть зубы и терпеть»¹.

Детство Джона Кутзее приходится на конец 1940-х – начало 50-х гг., когда в Южной Африке была введена система «апартеида» (африкаанс *apartheid* – «рознь, раздельность»), то есть раздельное проживание белого меньшинства и черного большинства населения и лишение последнего гражданских прав. Официальная государственная политика расовой сегрегации, осуществлявшаяся Национальной партией, процветала вплоть до конца XX в. (1948–1994 гг.). Националисты, находившиеся у власти во времена детства Кутзее, – потомки голландских эмигрантов, буры (голл. *boer* – крестьянин), одинаково враждебно относились к черным жителям колонии и ко всем белым, говорившим не на их родном языке, не на африкаанс; отношения с англичанами осложняла память об англо-бурских войнах конца XIX – начала XX вв. Южноафриканское общество было расколото политически, на убежденных расистов и сторонников равноправия людей вне зависимости от цвета кожи; этнически – в нем шла борьба между африканерами и белыми выходцами из других европейских стран, здесь были значительные азиатские диаспоры, поднималось самосознание черного большинства. Раскол проявлялся в языковой ситуации – националисты-африканеры пытались ограничить использование бывшего второго государственного языка, английского. Государственная Голландская реформистская церковь была враждебна по отношению к другим деноминациям христианства, так что присутствовал и религиозный раскол. Все эти сферы раскола пронизывали повседневную жизнь Южно-Африканского Союза и определяли поведение, мысли и чувства старшего сына в семье африканера Джека Кутзее и Веры Кутзее, наполовину немецкого происхождения.

Политические изменения 1948 г. напрямую коснулись семьи Кутзее. Когда националисты пришли к власти, отец потерял работу в государственной гражданской службе в Кейптауне: «Фактически его отец потерял работу в Кейптауне,

должность, которой так гордилась мама – контролер аренды – когда Малан нанес поражение Смэтсу в 1948 г. Именно из-за Малана им пришлось покинуть Роузбэнк, куда ему так хотелось бы вернуться, дом с большим заросшим садом, куполом обсерватории и с двумя подвалами, пришлось покинуть Роузбэнкскую начальную школу и роузбэнкских друзей и приехать сюда, в Вустер» (67). Раннее детство в Роузбэнке, пригороде Кейптауна, мальчик вспоминает как утраченный рай по сравнению с заурядными дешевыми бунгало и палящей жарой Вустера. Так же, естественно имитируя уровень восприятия ребенка («Малан против Смэтса» – восприятие маленьким современником того, что историки назовут введением апартеида), повествование понемногу насыщается деталями, которые проясняют положение семьи Кутзее. Его отец, юрист по профессии, африканер по крови, настроен достаточно либерально и не поддерживает Национальную партию, за что и подвергается преследованиям: его отстраняют от государственной должности и он с трудом находит себе место бухгалтера в частной компании по производству консервов. Это неблагодарная, плохо оплачиваемая работа заставляет остальных членов семьи относиться к отцу как к неудачнику. Заметим, что отношение Джона Кутзее к отцу во многом предопределено тем положением, которое отведено ему матерью в доме: «...центральное положение занимает именно мать и дети, в то время как муж представляет собой скорее довесок, вкладывающий в семейный бюджет примерно так же, как это делает квартирьер» (12). Неприязнь к отцу появляется у мальчика еще до знакомства с ним (после возвращения с войны): «В некотором смысле нелюбовь носит абстрактный характер: он не хочет, чтобы у него был отец, или по крайней мере, ему не нужен отец, проживающий в том же доме» (43). Будучи адвокатом, который больше не практикует, отслужив в армии, но в качестве младшего капрала, играя в регби, а затем и в крикет, но опять же в запасном составе, отец не вызывает ни гордости, ни сочувствия. Постепенное падение отца, подпитывающее ненависть и презрение сына, приводит к тому, что в финале автобиографии маленький Кутзее полностью отрекается от него, отказывая ему в праве не только называться отцом, но и непосредственно своим именем: «Он постоянно кипит от злости. *Тот мужчина*, указывает он на своего отца, когда обращается к матери, не способный даже назвать его по имени от переполняющей его ненависти: почему мы должны терпеть *того мужчину*? Почему бы просто не позволить упечь *того мужчину* в тюрьму?» (156).

Отношение Джона Кутзее к матери, ведущей хозяйство в доме и работающей учительницей в местной школе, носит противоречивый характер. На протяжении всего произведения просвечивает глубочайший страх мальчика, который смертельно боится потерять свою мать, единственную опору

и источник сил для ребенка, чувствующего себя «другим», чужим в африканерском обществе. Он винит ее за тот противоестественный, «ненормальный» образ жизни, который они ведут, и в то же время благодарен за то, что она защитила его от «нормальности» отца, влекущей прежде всего телесные наказания: «...его пугает одна только мысль о том, с какой жизнью ему пришлось бы столкнуться, если отец был в доме хозяином, жизнь скучных, глупых формул, когда все так же как у всех. Его мама единственное, что отделяет его от той жизни, которую он не смог бы вынести. Он злится на нее из-за ее медлительности и глупости, и в то же время цепляется за нее как за единственного защитника. Он ее сын, не сын своего отца. Отца он отвергает и ненавидит» (79). В доме, находящемся в полной власти матери, он ведет себя как совершенный деспот, грубый, вспыльчивый, бессердечный, требующий полной отдачи, протестующий против любых попыток матери обрести свободу (например, ее желание научиться кататься на велосипеде сталкивается с насмешками со стороны мужа и сына). Маленький Кутзее жесток и презрителен в отношениях с ней, видя в таком поведении единственное средство одержать верх над ее безграничной, всепоглощающей любовью к нему.

Как уже было замечено, семья Кутзее занимает особое место в южноафриканском городе: «Он из семьи ненормальной и постыдной, в которой не только не бьют детей, но и к старшим обращаются по имени и не ходят в церковь и носят обувь каждый день» (6). Семья Кутзее более интеллигентна, свободна, культурна, чем большинство семей в округе; они несчастны в захолустном, косном Вустере, и это противостояние между родительской семьей и непосредственно окружающим ее социумом – первый конфликт, лежащий в основе мировосприятия героя. Противостоять большинству намного труднее, чем с ним соглашаться; в мальнике закладывается стойкость, мужество, вера в себя, рано проявляющиеся даже на идеологическом уровне.

Во время Второй мировой войны в Южной Африке, как и во всем мире, значительно возросло влияние коммунизма. В 1950 г. националисты приняли закон о борьбе с коммунизмом, по которому приверженность коммунистическим политическим взглядам могла грозить тюремным сроком. Оттого для одиннадцатилетнего Джона Кутзее «увлечение русскими – это очень серьезно. Из-за этого могут подвергнуть остракизму. И хотя стихла лихорадка того года, когда волна враждебности к русским вдруг пролилась из радио и каждый должен был выбирать, он хранит свою верность в тайне: верность русским» (26). Стремление правительства нейтрализовать коммунистическую угрозу сказалось и на школьном образовании: «то, что происходит в Китае и России, можно просто игнорировать» (141). Неудивительно, что Джон Кутзее при всей своей увлеченности Россией «не

знает, что делают русские, когда не ведут войну» (28). Со стороны националистического режима закономерна враждебность к коммунизму, провозглашавшему идеал интернациональной солидарности угнетенных. Но коммунизм, Россия – это часть тайных симпатий мальчика, дополнительный знак его отличия от большинства. Главным образом политическая сфера в автобиографии представлена национальным вопросом, реально самым болезненным вопросом в описываемом обществе.

Будучи африканерского происхождения, Кутзее признается в одном из своих интервью: «Ни один африканер не сочтет меня африканером»². Кутзее подчеркивает многонациональность своей родины, амбивалентность статуса переселенцев в южноафриканском обществе: «Я один из многих людей в этой стране, которые были оторваны от их этнических корней, где бы они ни были: в голландской Южной Африке, Индонезии, Британии, Греции, или где угодно, и присоединились к этнически неопределимому сообществу, чей язык общения был английским. Собственно говоря, этих людей нельзя назвать “английскими южноафриканцами”, поскольку большая их часть – включая и меня – не британского происхождения. Они просто южноафриканцы (название, выбранное просто удобства ради), чей родной язык, язык, на котором они говорят с рождения, английский»³. Герой произведения намеренно дистанцируется от африканерского общества: «Поскольку они говорят на английском дома, поскольку он всегда приходит первым на урок английского в школе, он считает себя англичанином. Хотя его фамилия африканерская, хотя его отец в большей степени африканер, нежели англичанин, хотя он сам говорит на языке африкаанс без английского акцента, он не может прожить и секунды с мыслью, что он африканер» (124). Очевидно, что в случае с Кутзее его первый язык – английский – определил его национальную идентичность; второй язык, африкаанс, на котором говорят в семье его отца, достаточно ему знаком, чтобы мальчик мог почувствовать в официальном дискурсе страны, среди носителей африкаанс комплекс «малой нации»: «Конечно, они южноафриканцы, но и в этом определении есть что-то неловкое, а оттого об этом и не говорят; не все, кто живет в Южной Африке, являются южноафриканцами, или истинными южноафриканцами» (18).

После принятия закона о регистрации населения в 1950 г. была проведена расовая классификация населения по трем основным группам: европейской («белые»), обладавшей всеми правами, «цветной» и африканской (негры), обладавшей единственным правом – правом работать. Система апартеида подразумевала не только политическое разделение, но и бытовую сегрегацию. Естественно, что ребенок не может не замечать напряженной социальной ситуации окружающего его мира. Он слышит разговоры

матери с сестрой о «маскирующихся под белых, которые скрыли свое цветное происхождение» (37), ведь расовая принадлежность определялась по внешним признакам. Любую физическую работу по дому выполняют «цветные», «потому что они привыкли работать руками. Потому что они не ходили в школу, потому что не получали книжные знания»(37), – объясняет его мама.

Интуитивно маленький Кутзее чувствует несправедливость апартеида, необоснованность презрения и унижения, которому подвергаются «цветные» и «черные» жители. Размышляя над положением этих людей в южноафриканском обществе, он приходит к выводу, что и они достойны уважения: «В рассказах, которые оставили глубокий след в его душе, именно третий брат, самый скромный и постоянно высмеиваемый, после того как первый и второй с презрением пройдут мимо, помогает старушке донести ее тяжелую поклажу или вытащить колючку из львиной лапы. Третий брат добрый и честный и смелый, в то время как первый и второй братья хвастливые, высокомерные, жестокие. В конце истории третий брат оказывается наследным принцем, в то время как первый и второй опозорены и отправляются восвояси. Африканцы и есть тот третий брат» (65). Уже в десятилетнем возрасте Джон Кутзее подосознательно понимает, какая историческая несправедливость допускается в отношении «цветного» и «черного» населения. «Что касается цветных в целом... он просто не знает, когда они перестают быть детьми и становятся взрослыми. Кажется, это случается так рано, так внезапно: сегодня они играют в игрушки, а завтра уже работают наравне с остальными мужчинами, или моют посуду у кого-нибудь на кухне» (86). Лишенные детства, возможности получить образование – туземцы могли получить только знания в объеме начальной школы, чтобы они могли писать, читать и считать, и знали основы христианской религии – лишенные выбора, обреченные по факту рождения и расовой принадлежности на нищенское существование, бродяжничество или воровство, в возрасте 10–11 лет эти невинные дети выходят на улицу, чтобы зарабатывать себе на хлеб. Быть «цветным» мальчиком означает, что «у него нет денег, что он живет в жалкой лачуге, ходит голодный; это значит, что если мама его окликнет, этот мальчик должен будет остановиться, подойти и сделать все, что ему прикажут, а после получит трехпенсовик в ладонку и будет за это благодарен. И если после этого он будет злиться на свою мать за это, она просто улыбнется и ответит: “Но они привыкли к этому!”» (61). Текст фиксирует, что ребенок остро реагирует на несправедливость, с которой давно сжились даже самые эмансипированные взрослые южноафриканцы. То, что для матери героя – норма, для него самого – источник угрызений совести. Чувство вины по отношению к «цветным» проявляется во многих эпизодах текста, например, когда герой в день рождения

угощает своих друзей мороженым в кафе. Заметив уставившихся на них оборванных голодных «цветных» детей, Джон Кутзее не замечает на их лицах «ненависти, которую, как он готов признать, он и его друзья заслуживают из-за того, что у них столько денег, тогда как у цветных мальчишек нет ни гроша» (72).

В эпоху апартеида преподавание в школах велось в христианско-националистическом духе. В первый день в новой школе в Вустере мальчика спрашивают о его религиозной принадлежности, но, воспитываясь в семье, не исповедующей никакую веру, он не понимает вопроса. Учительница (принадлежащая, по-видимому, к государственной церкви) спрашивает, является ли он «христианином, католиком или евреем» (19); герой выбирает католичество, потому что название «Римская католическая церковь» вызывает у него ассоциации с любимыми героями древнеримской истории. Преимущество его ответа в том, что эта выдуманная принадлежность к католикам дает мальчику немного свободного времени во дворе, пока «правильные» христианские дети отправляются на собрания для чтения молитв и исполнения церковных гимнов. Другим неизбежным следствием этого выбора становится травля со стороны большинства: «[В] отместку за то, что сделали евреи с Иисусом, африканерские мальчишки, большие, жестокие, крепко сбитые, время от времени ловят еврея или католика и бьют его в предплечье, такими отрывистыми, злыми ударами кулаками, или коленом прямо в пах или выкручивают руки за спиной, пока он не начнет молить о пощаде» (19).

Джон Кутзее подвергается непрекращающимся нападкам со стороны школьников-африканеров. Так, однажды, загатавив его в угол школьного двора, они пытаются заставить его съесть гусеницу. Этот и многие другие случаи издевательств лишь укрепляют отвращение и ненависть мальчика к африканерам в целом, боязнь стать одним из них: «Сама мысль превратиться в африканера с бритой головой, босого, заставляет его содрогнуться. Это равносильно тюрьме, отсутствию частной жизни. Он не может жить без уединенности. Если бы он был африканером, ему пришлось бы каждую минуту своей жизни проводить в компании других африканеров» (126). Школа – маленькое зеркало государственного устройства; в вустерской школе любые попытки обрести свободу и независимость (к чему так сильно стремится Джон Кутзее) приводят к ответным карательным мерам.

Отличительной чертой школьного образования в Южной Африке является практика регулярной порки учеников: «В школе происходит следующее: мальчиков секут. Это случается каждый день. Их заставляют согнуться и достать до пальцев ног, а затем бьют палками» (5). В начальных классах не столько учат, сколько воспитывают, и розги считаются наиболее эффективным, единственно действенным средством: «У каждого

учителя в его школе, будь то мужчина или женщина, есть палка, и он волен ею распоряжаться как пожелает» (6). Отец и дядя Кутзее вспоминают с «ностальгией и благоговейным страхом» голубоватые рубцы от плетей и острую боль, которую надолго оставляло после себя подобное воспитание. Наказание поркой и битье палками применяется при малейшей провинности учеников: неаккуратное ношение формы, невыполнение домашнего задания, опоздание на урок. Не меньшим поводом для порки является политическая ориентация родителей. Так, одного из учеников, Роба Харта, «учитель особенно любит бить, бьет его так сильно, сильнее чем кого бы то ни было другого» (6). Заметим, что подобная карательная мера используется и в старших классах, причем с большей безжалостностью и беспощадностью к школьникам: «Поговаривают, что мистер Лэтиган даже выпускающихся мальчиков заставлял рыдать и молить о пощаде и мочиться в штаны и позориться» (8) Повседневная жестокость воспринимается как рутинная норма школьной жизни. Неприятие любого насилия в семье Кутзее носит исключительный характер, обусловленный довольно либеральными взглядами матери. «Главное, чего он не сможет перенести, это позор» (7), оскорбление поркой чувства собственного достоинства.

Не меньший ужас вызывает в душе героя возможность учиться в африканерском классе. В соответствии с системой полностью отдельного образования уже с 1949 г. обучение английских и африканерских детей велось отдельно. Узнав, что «правительство собирается перевести детей с африканерскими фамилиями в африканерские классы» (69), новость, о которой его родители говорят «шепотом», он разрабатывает план: «он не пойдет в африканерский класс. Вместо этого он спокойно пойдет к площадке для велосипедов, возьмет свой и поедет домой так быстро, чтобы его не смогли поймать. Затем он закроет на ключ дверь и скажет матери, что не вернется в школу, а если она предаст его, он себя убьет» (70).

Отобразив таким образом всю сложность, неоднозначность социально-общественной и политической ситуации в стране, оказавшей перво-степенное влияние на формирование героя, автор отводит исключительную роль описанию фермы в Карру. Овцеводческая ферма бабушки представлена в произведении как воплощение идеала, к которому стремится мальчик: «Он должен поехать на ферму, потому что нет на земле другого такого места, которое он любил бы так сильно... Но тогда же, когда зародилась эта любовь к ферме, появилось и острое чувство боли. Он может погостить на ферме, но никогда не будет там жить. Ферма – не его дом, он всегда там будет только гостем, смущенным гостем. Однажды ферма исчезнет навсегда, будет совершенно для него потеряна; и ему больно от одной этой мысли» (79). Только здесь, в уединенном спокойствии полей и лесов, находит

Кутзее желанную свободу и утешение. Ферма становится единственным спасением героя, чувствующего свою непохожесть и отчужденность от окружающей его действительности: «Потайное священное слово, которое связывает его с фермой, это слово “принадлежать”. Там, в вельде, наедине с самим собой он может произнести вслух: “Я принадлежу ферме”» (95). Безусловно, обращение с «цветными» на ферме более беспристрастное, чем то, к которому привык Джон Кутзее в Вустере: «...он испытывает облегчение от того, насколько правильные и официальные взаимоотношения у его дяди с рабочими. Каждое утро его дядя обсуждает со своими двумя работниками дела на этот день. Он не приказывает им. Вместо этого он предлагает те дела, которые надо выполнить, как будто раскрывая свои карты, а работники в свою очередь раскрывают свои» (85). Однако главным на этой ферме оказываются не относительно нормальные отношения с рабочими, но природа, которая так величественна и прекрасна в романах Кутзее и которую он так страстно защищает в публицистике. «Лучше всего он знает Вельфонтайн летом, когда ферма лежит распростертая под прямыми слепящими лучами света, струящегося с небес. Но у Вельфонтайна тоже есть свои тайны, тайны, принадлежащие не ночи и теням, а жарким полуденным часам, когда миражи танцуют на горизонте и самый воздух напекает на ухо...» (91).

Тем не менее, даже здесь невозможно ускользнуть от вездесущей, всюду проникающей жестокости. С нездоровым любопытством наблюдает мальчик за тем, как убивают и кастрируют овец, во

взгляде которых ему представляется «смирение, предвидение ... уготованной им участи». Жизнь в южноафриканском обществе насквозь пропитана страданием, тревогой и болью. «Возможно, Вустер, – размышляет герой, – это чистилище, через которое каждый должен пройти. Возможно, люди попадают в Вустер, чтобы пройти испытание» (34). А ведь детство, согласно традиции, есть только подготовка к испытаниям. Жизнь главного героя начинается с этого, без всякой подготовки. Окружающая действительность воспринимается впечатлительным детским сознанием как нечто неестественное, позорное, испорченное, наполняя его чувством стыда, страха и ненависти. В городке Вустер маленький Джон Кутзее начинает понимать всю жестокость и несправедливость деления людей по классовому, этническому и расовому признаку и чувствует собственную вину за преступление, получившее официальное название «апартеид». Таким образом, зрелый писатель Джон Максвелл Кутзее анализирует различного рода конфликты, в которых он всегда принадлежал к стороне преследуемого меньшинства, что и сформировало его жизненную позицию.

Примечания

- ¹ *Coetzee J.M. Boyhood: Scenes from Provincial Life. N.Y., 1998. P. 14.* Далее цитируется это издание в переводе автора с указанием страниц в тексте.
- ² *Coetzee J.M. Doubling the Point: Essays and Interviews / ed. by David Attwell. Harvard, 1992. P. 341.*